

DIABLO
Свидетель

АВТОР:
АЛМА КАТСУ

Автор

АЛМА КАТСУ

Редактор

ЭРИК ГЕРФОН

Консультанты по истории мира

ИЭН ЛАНДА-БИВЕРС

Творческие консультанты

ЛЬЮИС ХАРРИС, ВИБВЕН
КЮСТИ, ДЖОН ШЕЛИ, ДЭНИЕЛ
ТАНГЕ

Продюсер

БРИАННА МЕССИНА

Дизайн

КОРИ ПЕТЕРШМИДТ

Иллюстрации

ИГОРЬ СИДОРЕНКО

© Blizzard Entertainment, Inc., 2023. Blizzard и логотип Blizzard Entertainment являются товарными знаками или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment, Inc. в США или других государствах.

Свидетель

Я всегда знаю, когда ко мне вот-вот должен явиться очередной посетитель. Секрет витает в воздухе. Обычно в моем кабинете душно от пыли и острого запаха дерева, но как раз перед тем как появится гость, воздух начинает искриться, переливаться и мерцать. Будто оживает.

Хотя, по правде говоря, он и так *живой*.

Спустя пару минут показывается гость. Просто берет и возникает из пустоты прямо передо мной.

Кто приходит в первый раз, всякий раз страшно удивляется. Еще бы: стоит в незнакомом месте, а перед ним — загадочная фигура, окутанная тенями и туманами. Порой мне бывает интересно, что они ожидают здесь увидеть? Некоторые, конечно, попадают сюда против своей воли и понятия не имеют, что происходит, но другие сами решают

отправиться в путь. Не знаю, что они себе заранее представляют, о чем им рассказывают, — и никогда не спрашиваю.

Я не должна с ними сближаться. Я безмолвный свидетель. Мое дело — вести архив истории. Если я начну интересоваться и расспрашивать, это будет против правил.

Но я не только летописец. Я еще и посредник для смертных.

Сейчас воздух снова сгущается, и передо мной проступает гость из другого мира. Мало-помалу появляются цвета: серая дымка, ослепительно-белые пятна, самоцветы голубых мужских глаз, металлический блеск клинка — и вот уже посетитель стоит в моем кабинете во плоти. Высокий, поджарый, жилистый — должно быть, ловкий и сильный воин. Правда, не могу понять, сколько ему лет. Не молодой уже, это точно. Волосы длинные и серебристо-серые. Чтобы обзавестись такими, надо прожить не один десяток лет, однако сам гость не походит на старика. По одежде я узнаю в нем странника: плащ и добротные ботинки — явно не из дешевых, хоть и видали виды. Он снимает широкополую шляпу, и я вижу лицо с заостренными скулами и тонким носом, похожее на морду старого лиса. В глазах светится ум, но тепла там нет — посетитель явно настороже. И все же ни одна из черт не говорит о нем так много, как его губы: тонкие, плотно сжатые, будто искривленные в вечной усмешке.

Я сразу вижу, что этот гость — особенный. И дело не только в его мече, хотя клинок грозный. Такие нужны не для того, чтобы устрашать, а чтобы убивать.

Гость довольно быстро приходит в себя — не в пример большинству других посетителей. Порой ко мне являются из сновидений, хотя куда чаще напрямую из Санктуария, выпив нужный эликсир или даже чай. Этот гость легко оправляется от побочных эффектов зелья, будто бы их вовсе и не было. Должно быть, выпил совсем немного или выбрал самый слабый эликсир из всех. Нет, это точно была не настойка из паслена и не шалфей предсказателей. Должно быть, чашка крови гончей или толченый олений рог. Но как знать? Большинство магов — конченные шарлатаны, чего они только не кладут в свои зелья.

ХЕДАДЖИ — САМЫЕ ЗАГАДЧНЫЕ СУЩЕСТВА ВЪ ВСЕЛЕННОЙ. МНОГИЕ ГОСТИ ПРИХОДЯТ КЪ МНЕ ИЗ ЧИСТОГО ЛЮБӨПЫТСТВА И ТОЛЬКӨ.

Он закрывает глаза и делает глубокий вдох, чтобы унять головокружение. А когда открывает снова, то смотрит мне прямо в лицо. У меня черные волосы и глаза цвета морской воды. Если бы кто-то пришел сюда в поисках кого-нибудь из клана дамджи, то, увидев меня, сразу бы понял, что нашел одну из них.

Моя одежда скрывает все. На ногах — обмотки, на локтях — рукава, на теле — корсет из кожаных лент и бронзы. Лицо надежно спрятано под капюшоном, а с ним и вещей глаз, блеск которого может выдать, что я на самом деле думаю. Гости не должны знать, что у меня на уме. Капюшон открывает только то, что им понравится: пронзительно-светлые глаза и улыбка, которую многие называют чарующей. Она говорит, что гость может расслабиться и что здесь его выслушают с участием и терпением.

Посетитель переводит взгляд на мои предплечья. Из-под рукавов выглядывают татуировки, которые можно принять за символы, но на самом деле это слова. Их смысла он не поймет: тот язык уже давно мертв. Поверх старых татуировок выются новые — опутывают их, сливаются с ними, скрывают. Настоящее скрывает прошлое. Терпеливый и внимательный зритель понял бы, что это неспроста, но гость лишь пробегает глазами по татуировкам и быстро переводит взгляд на ладони, испачканные чернилами. Темные пятна доходят до середины предплечья — я уже давно занимаюсь своим ремеслом.

Его внимание привлекает мой палец. Его отрезали как раз над второй костяшкой и прикрепили вместо него украшение, которое многим может показаться странным, — чернильницу. Это мой рабочий инструмент. Чернила в ней особенные: краска, смешанная с моей же кровью.

Он открывает рот, будто хочет что-то спросить, но вместо этого только

облизывает губы и коварно улыбается. Неужто понимает, о чем говорит отрезанный палец?

Нет, спрашивать я не буду. Я знаю — и он знает, — что он не сможет мне навредить, и этого знания мне довольно.

— Добро пожаловать, незнакомец, — начинаю я. Голос мой звучит уверенно, как всегда, хотя никакой уверенности я не ощущаю. Обычно я рада гостям: они составляют мне компанию и помогают отвлечься.

Но сегодня все иначе.

Он улыбается. Кажется, начинает понимать, где оказался. Куда его забросило.

— Клянусь Преисподней, что... Да будь я проклят! Неужто сработало? Ты — хедаджи, так?

Хедаджи — самые загадочные существа во вселенной. Многие гости приходят ко мне из чистого любопытства и только.

Что касается меня, то я ничего не знала о хедаджи до тех пор, пока не повстречала Бадаала — человека, который стал моим учителем. Бадаал разглядел во мне нечто такое, что подсказало ему, будто из меня выйдет славная хедаджи. И в то время я не могла ему отказать.

Это случилось так давно, что я уже потеряла счет годам. Хотя время ничего не значит для хедаджи — как и для любого создания, способного видеть разом и прошлое, и настоящее, и будущее.

Незнакомец не знает, как ему повезло. Мне ни к чему скромничать: я — лучшая в своем деле и самая уважаемая хедаджи из всех. Я видела много подвигов, описала множество страшнейших баталий и еще больше славных смертей. А все потому, что так и не утратила любопытства. Даже спустя столько лет мне хочется узнать больше. Знание — это сила, это и броня, и оружие. Некоторые хедаджи ждут, пока их призовут, и только тогда они соизволят описать какое-нибудь важное событие. Но я всегда сама кидалась на поиски сломя голову. Меня терзает неутолимая жажда,

Я ПРӨТЯГИВАЮ ЛАДӨНИ, И НАД
НИМИ ИЗ ВӨЗДУХА ВӨЗНИКАЮТ
КАРТЫ: ПЛЯШУТ, ВЬЮТСЯ,
ПЕРЕМЕШИВАЮТСЯ САМИ СӨБӨЙ.

и поискам моим нет конца.

Однако теперь у них новая цель.

Гость отступает и принимается бродить вдоль стен, будто дикий зверь в поисках выхода из клетки. Пару шагов в одну сторону, затем разворот — и пару шагов в другую. Внезапно перед ним вырастает стена тумана. Он замирает, осматривается, стараясь понять, как обойти, — хотя явно не может толком ее разглядеть и понять, твердое перед ним препятствие или нет.

— Где я?

Его голос — голос певца. Звучит мягко, хотя в его обладателе наверняка нет ни капли мягкости. Гость в ловушке, и отлично это понимает.

Я протягиваю руку к центру комнаты: показываю, чтобы отошел от стен.

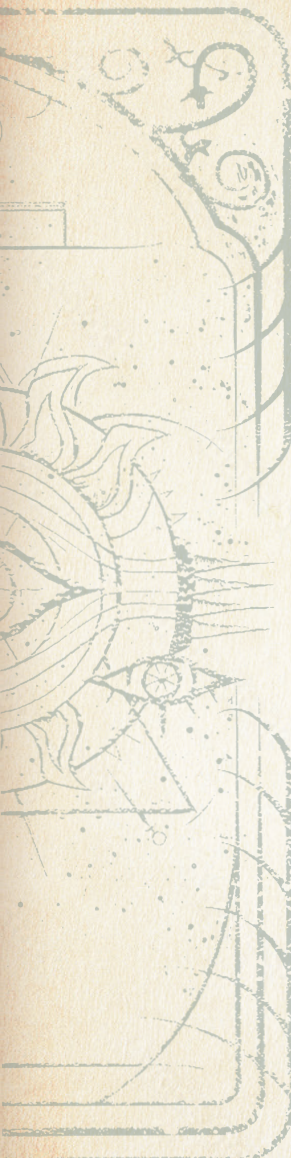
— Добро пожаловать, незнакомец. Не тревожься. Как твое имя?

— Гиаран. Мое имя Гиаран.

Не сомневаюсь, что как только мы расстанемся, его будут звать уже как-нибудь по-другому.

— Ты у меня в гостях. Неужели ты оказался здесь не по своей воле? Сюда не так-то легко попасть. Немногим это удастся...

— Да-да, я пришел сюда сам. Отправился к одному алхимику-отшельнику. Его мне рекомендовали. Последнее, что помню, это как

выпил зелье...

Он потирает лоб и закрывает глаза, пытаясь поймать воспоминание, которое так и норовит ускользнуть.

С этим Гиараном что-то не так. Что-то совсем не так.

— Все хорошо. Ты там, где и должен быть. Осмотри мои сокровища — здесь полно дикувинок. Но знай, что времени у нас немного. Я хочу, чтобы ты получил то, за чем пришел. Скажи, что ищешь.

Осматривает меня с головы до ног, будто никогда не видывал таких, как я.

— Ты же хедаджи, так? Он дал мне зелье и сказал, что оно призвет хедаджи...

— Не совсем. Оно не призвало меня, а перенесло тебя ко мне, — мягко поправляю я.

В нем точно есть что-то знакомое, хотя мы никогда не встречались прежде. Но это неудивительно. В конце концов, я побывала во многих уголках Санктуария, видела больше племен и народов, чем кто-либо на свете. Со мной могут соперничать только боги. Так что я быстро отбрасываю странное чувство дежавю.

— Меня зовут Тежаль. Прошу, присядь у моего стола.

По моему приказу между нами возникает деревянный стол огромных размеров, покрытый старинной красной скатертью. Она украшена тремя символами: черепом, гадальными монетами и клинком предсказателя, и в паре мест протерлась до дыр.

Он проверяет скатерть на ощупь, будто не

верит, что настоящая, а потом валится на табурет напротив.

— Перед тобой — богатства истории!

Я протягиваю ладони, и над ними из воздуха возникают карты: пляшут, выются, перемешиваются сами собой. Я развожу руки — и карты разворачиваются как веер, а потом образуют парящий в воздухе круг. Гость пялится во все глаза. Все правильно делает: в каждой карте кипит жизнь, каждая — как приоткрытая дверь, за которой прячется легенда. Затем я свожу руки, и карты следуют за ними. Ложатся одна на другую — и вот перед ним опять целая колода. Но карты не спят. Ждут своего часа.

Почти на каждой из них изображен человек, и всего на нескольких — предмет. Именно этот человек или предмет проступает за моим плечом в тусклом свете, словно призрак, пока я показываю карты гостям.

— Быть может, тебе понравится эта вещь?

Карта проплывает перед глазами Гиарана, чтобы он как следует разглядел рисунок, а потом переворачивается другой стороной — с текстом. Река из слов рассказывает историю артефакта, но буквы так малы и так тесно прижаты друг к другу, что без лупы ничего не разобрать. Карта переворачивается снова, и гость отшатывается: рисунка больше нет, вместо него течет все та же река из слов, а среди них виднеется другое изображение — на сей раз зарисовка. Порой это эмблема, порой — точная схема шрамов, которые оставила страшная рана. Карта продолжает вращаться, стороны — меняться. Перед глазами гостя разворачивается история предмета и его хозяина, и ей нет конца. На крошечной карте уместилась целая книга. Я помню каждую из этих книг. По моему скромному мнению, именно здесь кроется истинная магия хедаджи: каждый из нас владеет бесконечной мудростью и в каждом живет целый мир историй.

Незнакомец пытается схватить карту, но она уворачивается от пальцев.

— Что это за трюк? Что ты мне показываешь?

Я не отвечаю. Со временем он привыкнет и уgomонится. Все беспокоятся, когда только попадают сюда, но затем переключаются на артефакты и вспоминают, зачем пришли. Чего действительно хотят.

— Смотри внимательно.

Я повожу рукой, и мы возвращаемся к самому началу — к изображению черепа, который когда-то принадлежал поистине чудовищной крысе. С него срезали плоть и мех, а кость очистили и нанесли поверх слой лака. Мастер трудился с любовью, и рисунок это передает: видно, как тщательно нанесли покрытие, как мягко оно блестит, переливается и сияет на фоне белой кости.

За моим плечом из тьмы выступает череп.

— Перед тобой часть доспеха Вилума. Он был друидом и сыном лорда Вестмарша, — сообщаю я Гиарану. — Слышал о нем? Нет? Мелкая живность, которая обитала в городских стоках, подвалах и мавзолеях, его очень любила. Люди, однако, относились к нему совсем иначе.

Нет, разумеется, я не думаю, что богато одетый незнакомец явился ко мне в поисках жуткого сувенира, который носил с собой живодер из Вестмарша, — я просто-напросто пытаюсь разговорить посетителя. Мой палец касается рисунка.

— Этот череп принадлежал любимцу Вилума — умнейшей крысе по кличке Платон. Ее убила стража, которой приказали уничтожить всех крыс, когда в город пришла чума. Хозяин Платона так и не смог расстаться с другом. Украсил его скелетом свою тунуку. Крысиный Король выглядел страшно. Представь: носил на себе кости, шкуры, зубы и хвосты своих павших товарищей, а когда убивал кого-нибудь, то оставлял рядом с трупом крысиный череп — чтобы все знали, кто это сделал. Но с черепом Платона он так и не расстался.

Незнакомец хмурится. Череп у кого угодно вызовет беспокойство, легкое или не очень, — но этот гость невозмутим. Похоже, его не пугает смерть.

— Ты так подробно рассказываешь, будто сама видела все своими глазами, — заявляет он.

— Так и есть. Я все *видела*, — отвечаю я, внимательно изучая его лицо: стараюсь понять, что он на самом деле ищет. Однако ничего не могу разобрать. Он будто хороший актер: показывает лишь то, что хочет.

— Такова роль хедаджи, — продолжаю я. — Мы путешествуем во

времени и пространстве, чтобы запечатлеть минуты великих сражений и величайшей славы. Мы — летописцы, записываем все до последних подробностей, чтобы прошлое не кануло в бездну.

Бросаю последний взгляд на блестящий крысиный череп.

— Ну как? Не нравится?

Карта ускользает прочь.

— Тогда, быть может, понравится вот эта вещь?

Череп исчезает во мраке, и вместо него проступает здоровенный шлем, серый от грязи.

Незнакомец подается вперед: кажется, его заинтересовала позолота, которую при желании можно разглядеть под слоями пыли. По правде говоря, этот шлем изготовили из огромного стального колокола. А до того он раскачивался на колокольне одной закарумитской церквушки в маленьком городке под названием Святой Призыв.

— Ты видишь шлем варвара по имени Золотой Клат-Ульна. Ему нравилось снимать колокола со всех церквей, выстроенных во имя Закарума, а затем гнуть и ломать, чтобы сделать из них доспехи. Святотатство да и только — но Клат-Ульна давно оставил веру в церковь. Он верил только в отмщение.

Колокол сильно помяли и вырезали в нем маску в виде черепа с двумя прорезями для глаз, но сохранили золото, которым когда-то его украсили закарумиты.

— Что касается золота, оно тут не ради украшения... Клат-Ульна потешался над своими врагами. Он взял то, что они перевозносили выше всего, и выковал оружие страха. Он заставил закарумитов взглянуть в лицо правосудия. *Буквально.*

Гиаран снова облизывает губы, изучая картинку. Да, ему определенно нравится золото. Значит, он любит деньги. Возможно, почитает их, как божество. Неужто он и вправду пришел сюда ради наследия Клат-Ульны? Неужто этот варвар что-то для него значит? Или он просто пришел в восторг от такого количества золота?

Гость встает из-за стола и приближается к шлему. Тот слегка покачивается в тумане — как раз на таком расстоянии, чтобы гость не

дотянулся.

И тут я понимаю, что Гиаран не собирается прикасаться к шлему — он хочет *заглянуть за него*. А прежде он вовсе не пытался найти выход, а изучал пространство. Сейчас он старается разглядеть, какие еще у меня есть сокровища.

Посетитель нехотя возвращается за стол. Карта улетает прочь. Шлем за моей спиной пропадает, но на замену ему приходит лишь тьма. Больше ничто не отвлекает посетителя. Остались только он да я.

Я решаю спросить напрямую:

— Что ты здесь ищешь, незнакомец?

Он смущается... хотя нет, скорее, упрямится. И снова не отвечает. Вместо этого спрашивает сам:

— А все хедаджи такие же, как ты?

— Ты хочешь знать, связаны ли мы по крови? Нет. Мы больше похожи на священников. До того, как нас заберут, мы можем принадлежать любому клану, любому сообществу, любой расе. Думаю, нас выбирают за наши особенности.

Гость бросает быстрый взгляд на голые стены моей комнаты.

— Думаю, одна из этих особенностей — любовь к одиночеству. Верно говорю? В этой комнате больше никого нет, так? Ты тут совсем одна.

По спине пробегает холодок. Не пора ли начинать беспокоиться? Неужто он нащупывает слабые места?

Гиаран снова коварно улыбается.

— Такая доля не понравится тому, кто любит бывать среди людей.

Когда я была ребенком, люди говорили, что среди людей я расцветаю. Отец называл меня прирожденным лидером. Он думал, я поведу за собой других, стану матриархом, как моя мать.

Но этому не суждено было случиться, и той девочки уже давно нет. Хотя... совсем недавно меня навещал ее призрак. Напомнил, кем я когда-то была.

— Ну, жить в одиночестве — явно твое! — заявляет гость, нагло улыбаясь. Надо же, как он уверен в своих словах.

— Прав я? Тебе нравится здесь, среди теней? Ты счастлива?

Я беру карты в руки и начинаю перемешивать. Это меня успокаивает. Каждая из них — история. *Моя история*, пусть и не *обо мне*. Именно я записывала их тысячелетиями. Они мои детища, моя семья. Кроме историй, у меня ничего нет.

— Так нужно, — отвечаю я, — и не важно, что думает хедаджи. Наше предназначение — искать истории, которые надо записать, которым нельзя забыть.

— И, как я понимаю, вмешиваться в них вы не можете.

— Не можем. Мы только записываем — и все. Хедаджи не имеют права менять ход истории, даже если перемены коснутся всего лишь одного человека.

Он склоняется ко мне — лицом к лицу. Я чувствую аромат масел, которыми он укладывает серебряную гриву, и дыма, которым пропахла его одежда.

— А вот я слышал, что однажды хедаджи не просто записали историю. Что однажды они вмешались в судьбу.

Мне хватает самообладания никак не отреагировать на его слова. Я ровно и глубоко дышу и смотрю ему прямо в глаза. Нет уж, он ничего не знает. Он не может *знать*. Он просто пытается выудить информацию. Вот зачем он здесь.

Я усмехаюсь.

— Людям хотелось бы, чтобы хедаджи хоть раз нарушили клятву. Так мы бы стали ближе к смертным. Но... нет. Мы так не поступаем.

Он кивает, но не сдается.

— Нелегко тебе поди приходится, Тежалъ. Смотришь на всех этих добрых людей, видишь, в какой они опасности, как их убивают, — и ничего не можешь поделать.

Быть может, вот она, причина? В том, что я видела, как умер кто-нибудь, кто ему безразличен? Быть может, он пришел сюда не за вещью? Но что ему тогда нужно? Понятия не имею.

— Хедаджи не должны участвовать в событиях. Хедаджи только ведут записи, а записи хороши лишь тогда, когда ими можно поделиться с другими. Наша роль тоже очень важна. Мы храним память как о добре, так и о зле.

Он пристально на меня смотрит. Этот человек не успокоится, пока не получит ответ. Не станет мириться с недомолвками и полуправдой.

— Но слушай, наверняка же были минуты, когда тебе хотелось вмешаться... когда ты, скажем, видела, как лишают чести дев, как истребляют невинных. Ты должна была видеть такую несправедливость, такую мерзость, что сидеть сложа руки было бы преступлением против мироздания.

Он завелся. Кажется, правда — истинная причина, по которой он здесь — вот-вот выскользнет наружу. Быть может, он ищет справедливости? Неужто он настолько глуп, что думает, будто я ему помогу?

Или он думает, что я сама должна свершить правосудие?

— Ты ничего не знаешь о мироздании, друг мой, — отвечаю я.

Вот и все, что я могу сказать.

Он встает из-за стола и отправляется во тьму за моей спиной. Хочет осмотреть сокровища, и на сей раз я позволяю ему подойти поближе. Он подходит к полкам и переводит взгляд с одной вещи на другую. Хотя большая часть моей коллекции хранится в картах, на полках тоже можно отыскать кое-что интересное. Правда, я держу там далеко не самые ценные или самые могучие вещи. Только те, что вызвали восхищение... или сочувствие.

Он переходит от одного предмета к другому и каждый изучает так внимательно, что любой ученый мог бы позавидовать. Явно ищет что-то конкретное. При этом держит почтительную дистанцию.

Обрывок красной ткани не привлекает его внимания. И неудивительно: она такая старая и потрепанная, что ее легко принять за тряпку для пыли. Гость не замечает, что в уголке виднеется выцветший герб: драконья пасть рядом с изгибом полумесяца.

Зато посетитель останавливается у самой загадочной вещи в моей коллекции. Самой загадочной и в то же время самой простой: у

крошечного кольца, которое налезет разве что на палец девочки или юной девушки. Никаких драгоценных металлов, никаких самоцветов — обычный сплав. Из необычного в кольце — только прикрепленный к нему тонкий шип длиной примерно в мужскую ладонь. Это не простое украшение.

— Любопытно, — заявляет гость, рассматривая кольцо. — Я такого никогда прежде не видел.

— Оно очень древнее, — я решаю испытать незнакомца и приподнимаю вуаль, чтобы лучше видеть его лицо. — Принадлежало клану, который сгинул давным-давно. Клан назывался «дамджи». Доводилось слышать о них?

Он потирает подбородок.

— А что если доводилось?

Быть такого не может. Да кто он такой?

Гость протягивает руку к кольцу и вопросительно на меня смотрит.

— Можно?

Я киваю в ответ. Неужели наконец-то выдаст себя?

Он берет артефакт, и я вижу в глазах незнакомца благоговение. Вертит, изучает кольцо со всех сторон.

— Что это такое?

— А сам как считаешь?

Он проводит пальцем по шипу.

— Это оружие. Для ближнего боя, как кинжал. Его можно воткнуть в шею противнику... или в глаз, чтобы вошел прямо в мозг.

Порой ответ на простой вопрос может многое рассказать о человеке.

— Какая жестокая мысль. У тебя в руках обычное кольцо, и ничего больше, — сообщаю я.

Он хмурится и кладет реликвию обратно на полку.

— А зачем тогда нужен шип? Как-то необычно для украшения...

— Шип служил и другой цели. Дамджи черпали магическую силу в единстве клана. Они никогда не творили колдовство поодиночке — только вместе. А этот стержень на кольце — своего рода громоотвод для лишней магической энергии.

Его брови взлетают вверх. Удивился.

— Да, на их обряды стоило посмотреть... как я слышала. Для своей эпохи дамджи были весьма могущественны. А потом все погибли. Еще одно доказательство того, что никому не выстоять против времени: ни великим, ни малым, ни сильным, ни слабым.

Кажется, теперь кольцо восхищает гостя еще больше.

— Да, интересный народец. Необычный у них был взгляд на магию и на то, как ею пользоваться... жаль, их больше нет.

— Увы. Все давно погибли, — отвечаю я, изо всех стараясь ничем себя не выдать.

Потому что одна дамджи все-таки задержалась на этом свете.

До сих пор помню тот день, когда впервые повстречала Бадаала. Совсем недавно я прошла обряд становления и теперь считалась взрослой. Хотя до настоящих взрослых было еще далеко: ноги только начинали расти и крепчать, а глаза толком не видели во тьме — а без ночного зрения меня никто бы не взял на охоту. Мы, дамджи, всегда охотились после заката, чтобы не напекло голову. В краю, где мы жили, солнце не знало пощады.

Тот день я проводила вместе со своим кланом в нашем большом доме. Мы всегда считали себя одной семьей. Женщины-дамджи были друг другу сестрами и тетками, мужчины — братьями и дядями. Моя мать — матриарх клана — как раз советовалась со старейшинами, как советовалась с ними каждый день в один и тот же час. Дети постарше готовили ужин, детей помладше тоже усадили за работу — резать высушенные кожи на полосы, из которых потом сплетут веревки и сети. Все были при деле. Все, кроме меня.

Я пряталась на крыше веранды и наблюдала оттуда за остальными. Настроение у меня было хуже некуда. Я боялась, что совсем скоро моя молодая цветущая жизнь подойдет к страшному концу — иными

словами, что я не смогу больше поступать так, как вздумается. Взрослые выберут для меня роль, и жизнь будет predetermined раз и навсегда. Я даже знала, какая роль мне уготована: возглавить клан, как мама. Но я не знала, хочу ли себе такой судьбы. По правде говоря, я сильно сомневалась, что справлюсь, — ведь я ни разу никем не управляла. А еще мне скоро подберут партнера среди ровесников, и спустя несколько лет мы поженимся. Жизнь стремительно менялась, и меня никто не спрашивал, что мне нравится, а что нет.

Единственное, что осталось бы прежним, — это духовные практики нашей семьи. В них должен был участвовать каждый, и я тоже. Суть магии дамджи в том, что ей в равной мере обладали все дамджи. Да, у каждого был свой оттенок энергии, не похожий на другие, однако само действие мы разделяли друг с другом. В этом крылась уникальность нашего племени. Чем больше дамджи участвовало в магическом ритуале, тем сильнее становилась магия. Вот почему искусство колдовства у нас изучали все.

Другие кланы нам не особо доверяли, а кто-то и вовсе боялся. Однажды я подслушала, как отец и дяди разговаривают в ночи у костра. Они обсуждали соседей — те завидовали нам. Завидовали нашему спокойствию и миру. Нашему единству. Нашей магии, которая могла превращать одну материю в другую. В прочих кланах царили раздоры: их разрывала на части зависть, алчность, вечный голод людского эго. Мы, дамджи, были совсем другими. Как я поняла, до тех пор пока мы держимся вместе, мы выстоим. Вместе мы сильны.

Итак, я пряталась на веранде под большим козырьком, когда услышала какой-то шум. Он доносился с внутреннего двора, со стороны хлева. Там будто вспыхнула драка — хотя я понимала, что такое вряд ли возможно. Взрослые как раз загоняли в хлев животных, чтобы те переждали в тени самое жаркое время. В саванне теней не бывает, и яростное солнце может за считанные часы сгубить быка и даже верблюда. Никто в своем уме не захочет провести на полуденной жаре хотя бы одну лишнюю минуту. Нет, кто-то может разворчаться, но взрослые все равно будут работать вместе, чтобы побыстрее закончить дело. Какая уж тут драка...

И вдруг перед глазами у меня что-то блеснуло. Прогремел взрыв.

Все произошло очень быстро. Со своего наблюдательного пункта на веранде я увидела, как со стороны амбаров сюда бегут люди в незнакомой одежде. Яркие халаты всех цветов. Колдовские посохи в руках. Лица скрыты красными платками. Над зданиями поднимались клубы черного дыма, запахло бедой и гибелью. А потом — еще взрывы, еще вспышки, вонь серы, адского пламени и чего-то мерзкого и нечестивого. Дети с криками побежали прочь — их накрыло взрывом. Предсмертные крики.

И не чьи-нибудь крики... то кричали мои братья, сестры, тети, дяди... Отец.

Люди на кухне тоже услышали взрывы и бросились бежать в панике. Но тут вышла моя мать — моя великолепная мать, спокойная, умная, прирожденный лидер — и начала командовать. Она знала, что сородичи безоружны. Зачем брать оружие, когда отправляешься ухаживать за скотом в жаркий полдень? В нашей долине хищников не водилось.

Никому и в голову не пришло, что хищники могут явиться из чужих земель. Никому и в голову не пришло, как далеко страх и зависть могут завести человека — или даже целое племя.

Вы спросите, почему же мать не созвала остальных и не начала магический обряд? Дело в том, что у нее было кольца. Ни у кого не было колец. Все считали, что у себя дома мы в безопасности. Вы ведь не вооружаетесь охотничьим луком, когда отправляетесь обедать, и не берете с собой в постель флакон с ядом.

Мама бросилась за кольцом и велела остальным срочно отыскать свои.

Но никто не успел. Входная дверь слетела с петель.

Люди в разноцветных халатах ворвались внутрь и навели посохи на мою семью. Я думала, они прикажут им стать на колени или прижаться к стенам. Я думала, им нужны молодые женщины. В наших краях порой похищали невест, хотя обычно за одной девушкой приходил один мужчина, порой с другом или двумя для храбрости. Я никогда не слышала, чтобы на такое дело собирали целую армию.

Но потом они подняли посохи.

Поначалу я отшатнулась. Попыталась спрятаться от страшного,

кровавого зрелища, и забралась поглубже под козырек. Потом мне захотелось броситься вниз и помочь. Но я знала, что ничего уже не смогу исправить. Оставалось только прятаться на веранде в надежде, что сойду за груды тряпья. И все же я понимала, что надолго меня не хватит. Лучше сгнить со своей семьей, чем провести остаток дней в одиночестве из-за собственной трусости.

С такими мыслями я выскочила из-под козырька и бросилась вниз. Сбежала по лестнице с диким ревом и бросилась на одного из незваных гостей. То был совсем юнец, одних со мной лет. Он страшно удивился. Их план сработал идеально: моя семья не ожидала нападения прямо в родном доме. Вот почему мы не подняли защитную ауру. Мы слишком верили в людей.

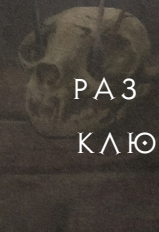
При виде меня он шарахнулся и едва не упал. Должно быть, то был ученик — слишком молод для настоящего мага. В руках он тоже сжимал посох, который и навел на меня, собрав все силы, а затем произнес слова, значения которых я не поняла.

С той поры прошли столетия, но я до сих пор помню, какая меня тогда захлестнула боль. Тело будто охватило огнем, а все остальное — крики, стоны, запах крови — куда-то подевалось. Остались только я и пламя, горевшее в правом боку.

Когда я открыла глаза, то обнаружила, что лежу на полу и что мое тело мне не принадлежит. Я будто парила в вышине. Вокруг происходила резня, но я ничего не слышала, ничего не чувствовала и не могла пошевелиться. Сейчас я понимаю, что всему виной был шок. А тот паренек-маг склонился надо мной, чтобы понять, умираю я или только оглушена.

Битва для меня закончилась. Я никому не помогла. И не спасла себя.

Тогда-то над правым плечом мага я и увидела Бадаала. Его никто не замечал — только я одна. Я бы испугалась, приняв его за демона или призрака, но прочитала в его глазах невероятную жалость и сочувствие. До сих пор помню, как он выглядел в тот миг: лысая голова, бледная кожа с синеватым оттенком, длинная черная туника до щиколоток, темные глаза, похожие на камни. И выражение великой — *величайшей* — печали

РАЗ ГИРАН ТАК ЗАИНТЕРЕСОВАЛСЯ
КЛЮЧОМ, ЭТО ЗНАЧИТ ЛИШЬ ОДНО:
ЕГО ПОСЛАЛИ МЕНЯ УБИТЬ.

на лице.

«Притворись мертвой, — услышала я голос в голове, хотя губы Бадаала не двигались. — Если притворишься мертвой, он тебя не тронет. Поверит, что ты умерла. Об остальном я позабочусь».

Я сделала, как мне велели.

Последнее, что помню, — это как умерла мать. Она подползла к моей младшей сестре и попыталась прикрыть своим телом. Но один из магов безжалостно всадил меч маме в грудь, а затем перерезал горло сестре. Я смотрела ему прямо в глаза — какая там была жестокость! У всех убийц одинаковый взгляд. Уж я в этом убедилась за долгие тысячелетия.

Притворяться мертвой пришлось не один час. Я не шевелилась, а нападавшие гуляли по дому, залитому кровью, и праздновали победу. Пинали тела ногами, чтобы убедиться, что все мертвы. Совали пальцы в раны сестер и проводили красным по лбам своих юнцов: в знак того, что те совершили первое убийство.

Когда все ушли, Бадаал явился во плоти. Он отнес меня в другую часть дома, где обработал раны и перевязал красным платком — тем самым, который носил мой несостоявшийся убийца.

— Кто ты? — спросила я, когда вернулся дар речи.

— Меня отправили сюда, чтобы записать то, что сегодня случилось, — ответил он, бережно ухаживая за мной. Голос его звучал мягко и тепло.

— То есть бойню.

Даже в те годы я знала, как это назвать.

— То есть бойню, — подтвердил он.

— На нас напали не бандиты. Они не грабить пришли. Это были маги, — сказала я. Мне казалось, это важная деталь, которой надо с кем-то поделиться, которую надо обязательно подчеркнуть. А он ответил:

— Ты должна обо всем забыть...

— Что? За.. забыть? — я едва не задыхнулась. — Как такое можно забыть?

Он положил руки поверх моих ладоней, и от этого прикосновения внутри словно бы развязался тугой узел. Я снова парила в высоте, и ужас, царивший вокруг, не имел ко мне никакого отношения.

— Все прояснится... со временем. А пока я хочу забрать тебя отсюда. Увести в безопасное место. Ты не против?

Я медленно и нехотя кивнула.

Он склонил голову.

— Ты, должно быть, ненавидишь меня за то, что не вмешался. За то, что ничего не сделал, пока...

Мысли метнулись к телам, остывавшим всего в каких-то тридцати ярдах от нас.

— Я ничего не мог сделать. Делать — не в моей власти. Видишь ли, я — хедаджи. Нам нельзя вмешиваться в события, даже если у нас на глазах уничтожают целое племя. К несчастью, так бывает. Мир знает не одну, не две и даже не сотню таких историй. Я пришел, чтобы сделать свою работу — запечатлеть то, что сегодня произошло. Чтобы стать свидетелем.

Он как раз затягивал повязку, и я тронула его за руку.

— Но ты же вмешался...

Он улыбнулся.

— Когда я увидел, как ты бросаешься на врага, то понял: над этим мгновением судьба не властна. В ту минуту время разделилось на две дороги, а я оказался на перепутье. И увидел, что если ты останешься в живых, то совершишь кое-что великое.

Нет, я не похваляюсь перед вами, а просто пересказываю пророчество Бадаала. Как я узнала много лет спустя, он был провидцем невероятной силы.

Он не смог попросту отмахнуться от видения. Он должен был меня спасти.

— Но помочь тебе я смогу, только если ты согласишься стать хедаджи.

Мы имеем право вмешиваться лишь в одном-единственном случае: если найдем подходящего кандидата в наш орден. А ты не просто подходящий кандидат. Ты великолепный кандидат.

Он смотрел прямо на меня, и глаза его улыбались.

— Кроме того, так безопаснее всего, — продолжал он. — Ты будешь спрятана от всего света. Никто не сможет тебя увидеть, если только ты сама не позволишь. Думаю, ты понимаешь, что так будет лучше. Твою семью убили не просто так. Никто не должен знать, что кто-то выжил. По крайней мере до тех пор, пока ты не найдешь виновников и не выяснишь, зачем им понадобилось вас убивать.

— Но раз ты можешь видеть все, то, наверное, уже знаешь ответ, — сказала я.

Бадаал отвернулся.

— Знание... это не только дар хедаджи. Это еще и наше проклятие. Нам нелегко приходится, Тежалъ. Ты будешь знать все... станешь свидетельницей страшных, чудовищных вещей. Твое сердце разобьется на части много-много раз. Вселенная соткана не из добра и света, мироздание слепо к страданиям собственных детей. А ты будешь наблюдать за этими страданиями и подчиняться законам. Ты не имеешь права вмешиваться, и на то есть причина.

— Как ты с этим живешь? — спросила я. Со временем, когда я провела немало времени с Бадаалом и узнала его поближе, я выяснила, что это один из самых достойных, благородных и добрых людей свете. Но тогда мне показалось, что говорю с каким-то чудовищем.

— Ты просто смиряешься с тем, на что не можешь повлиять, — ответил он. — Если веришь в важность дела, которым заняты хедаджи, то понимаешь, что иначе никак. Не всем суждено стать героями. Но без хедаджи, без летописцев, даже величайшие заслуги легко могут кануть в бездну забвения. Если некому рассказать о подвиге, был ли подвиг вообще?

Однако в тот день Бадаал все-таки осмелился стать героем и спас меня, нарушив клятву.

Я его послушалась и стала хедаджи. Поначалу у меня попросту не

было выбора, а еще я чувствовала себя обязанной Бадаалу. Но со временем прониклась своим делом, и оно стало моим призванием. Моим священным долгом.

Правда, не скажу, что мне все нравится в доле хедаджи. Нести такую ношу нелегко. Под капюшоном и чернилами до сих пор скрывается живой человек. Сердце мое не очерствело и чувства не погибли.

Гиаран начинает меня пугать. Не помню, когда в последний раз ощущала страх. В конце концов, я под надежной защитой.

— Ты пришел сюда, потому что тебе что-то понадобилось, — говорю я и отталкиваюсь от стола. — Скажи мне, что это. Довольно играть в игры.

Мои слова наверняка его разгневают. Хотя, быть может, я не так его поняла. Быть может, он и вправду сам не знает, зачем пришел: есть люди, которые не признаются в собственных желаниях даже самим себе — так им страшно или стыдно.

Но тут я вижу его взгляд и сразу понимаю, что ему нужно.

Его внимание привлекла ложбинка на моей груди.

Вернее, не она сама: то вовсе не похоть. Там, у меня на груди, на кожаном шнурке висит особый артефакт — тяжелый металлический ключ.

На вид это самый обычный ключ. Такими открывают двери в кладовые — и не больше. У незнакомца нет никакой причины пялиться на него во все глаза.

Если только... Гиаран не знает, что это за ключ на самом деле и от какой двери.

Ставлю что угодно, еще как знает.

Кольцо ему вовсе не нужно: он просто меня испытывал — и выяснил, что я знаю о дамджи, причем не понаслышке. На самом деле он здесь ради ключа.

Это ключ — от хранилища, где скрыт мой самый главный секрет. Его

ОДНАКО У ЧАРОДЕЯ НЕ ОСТАЛОСЬ НИ
ОДНОЙ ПРИЧИНЫ ЖИТЬ, А У МЕНЯ ИХ
МНОГО. ЭТО ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ Я НЕ
УСПЕЛА ЗАПИСАТЬ. В КОНЦЕ КОНЦОВ, Я
ХЕДАДЖИ.

там спрятала ведьма из Хавезара, которая провела для меня один обряд. Мы с ней поспорили: я хотела спрятать все сама, но она настояла, что так будет безопасней. Если я сама не знаю, где находится хранилище, то не выдам тайну даже под пытками.

В конце концов мы пришли к компромиссу, и она выдала мне ключ. Так моему потенциальному убийце придется сделать два дела: выяснить, где спрятан талисман, и отнять у меня ключ. Причем необязательно в таком порядке.

План казался идеальным. Именно благодаря ему я обрела бессмертие и прожила долгие столетия.

Но одну деталь я не учла. В ту пору, когда надо мной читали заклинание, я была еще юной, неопытной и не знала, что хавезарскую ведьму можно подкупить. Причем без особого труда.

Раз Гиаран так заинтересовался ключом, это значит лишь одно: его послали меня убить.

Я пристально взглянула ему в глаза еще раз, и мозаика сложилась. Я уже видела таких, как он. Взгляд выдал его, передо мной — наемный убийца. Должно быть, один из гостей увидел кольцо дамджи в моей коллекции и понял, что в тот роковой день кто-то из нас уцелел. Кто-то ускользнул, причем невероятным и непредсказуемым способом.

Но почему именно сейчас? Кому понадобилось отправлять ко мне наемного убийцу? Такие, как Гиаран, обходятся недешево. Хотя, быть может, дело не в моем происхождении? У людей наверняка найдется много причин желать мне смерти. Может, я позволила погибнуть человеку, которым кто-нибудь сильно дорожил? Чьей-нибудь матери, отцу или маленькой дочери?

Нет, вряд ли. Никто не видит хедаджи, пока они ведут записи. Никто не

может знать, что я была рядом, пока умирали их близкие.

Нет. Это весточка из тех давних времен, когда я еще не была хедаджи.

А значит, возвращаемся к истреблению дамджи.

Я так и не выяснила, что за маги напали на мою семью. Бадаал настаивал, чтобы я забыла обо всем, чтобы не цеплялась за столь страшное воспоминание. Говорил, что если не забуду, то никогда не смогу исцелиться. Он знал, что просит меня слишком о многом, но так я бы доказала, что владею собой, что смогу стать хедаджи. Быть может, лучшей хедаджи из всех.

Было непросто, но я затворила дверь в прошлое. Даже если бы я все выяснила, это не вернуло бы семью. Я так и осталась бы одна.

И вот спустя столетия оказалось, что вражда, которая сгубила мой род, еще не закончена. И не закончится, пока не сгинет последний дамджи.

Хотя, быть может, кто-то просто хочет уничтожить последнего свидетеля. *Того, кто все видел. Кто может рассказать.*

Неужто Гиарана отправили за мной, чтобы скрыть убийство моих сородичей? Неужто кто-то не желает, чтобы его вина выплыла наружу? Мой отец не ладил со многими могущественными кланами. Стоять за нападением может кто угодно из них. Человеческая зависть и жадность не знают границ, а мы вызывали зависть: умели превращать простой металл в золото.

Все эти мысли вихрем проносятся у меня в голове. По правде говоря, я давно хранила их на задворках сознания. Бадаал с самого начала понимал, что мне нужно скрыться, потому что меня могут искать. Быть хедаджи — безопаснее всего.

И он был прав. Но меня сгубила любовь к реликвиям.

А добьет одна из главных слабостей хедаджи. Мы — одиночки.

Когда живешь один, никто не услышит твоих криков.

Гиаран видит, что я смотрю на него. Он понимает: я его раскрыла.

Мысли так и вертятся: что же делать, что делать? Я могу побороться за жизнь. В конце концов, я у себя дома, а значит, у меня преимущество. Он не знает, кто может явиться мне на помощь. Не знает, не принесут ли туманы сюда еще одного гостя. Не знает, какие смертоносные артефакты хранятся у меня на полках, какое оружие я могу призвать одним движением руки.

Нет никаких сомнений: он почти ничего обо мне не знает.

Зато этот наемный убийца знает свое дело.

Он заметил, что у меня нет пальца, и наверняка понял, что я под защитой заклатья бессмертия.

А вот у него все пальцы на месте. Значит, он уязвим, если, конечно, его не защищает какое-нибудь другое заклинание или амулет. Я даже могу убить его, если подберусь поближе. Но будем честны: у меня это вряд ли получится.

Будущее выглядит мрачным. Скорее всего, он схватит меня и будет таскать за собой, пока не снимет заклатье, а потом убьет. Правда, когда время вновь обретет надо мной власть, я, должно быть, сама рассыплюсь в пыль.

Теперь я понимаю, что ощутила, когда он явился: Гиаран пришел с дурными намерениями. Кажется, мой конец близок. И пусть я погибну не в ближайшие часы, сердце все равно со страшной силой колотится в груди, а на верхней губе проступает пот.

А потом на меня нисходит отрешенность. Таков дар хедаджи: мы умеем отстраненно наблюдать, никого не осуждая и не пытаюсь найти выход. Вот и сейчас я увидела эту роковую минуту такой, какая она есть. То было звено долгой цепи событий, которая началась, когда моя семья погибла, а Бадаал решил вмешаться. Круг непременно должен был замкнуться, и вот он замкнулся — я снова балансирую на грани жизни и смерти. Все кончится либо тем, что я погибну окончательно и бесповоротно, либо тем, что отомщу за свой клан.

Правда, хедаджи не принимают концепт мести.

Да, когда-то давным-давно я была дамджи.

Но теперь я хедаджи.

Время застыло. Гиаран внимательно изучает меня, старается понять, что я задумала. А я пытаюсь понять, как мне поступить, что сделать, потому что второго шанса не будет.

Да, я могу убить его. Меня захлестывает желание спастись, выжить. Оно кажется диким, чуждым — так давно я его не ощущала. Долгие столетия я провела в полной безопасности, но теперь все по-другому. Если убью, то проживу еще немного. До тех пор, пока не придет следующий головорез.

Я знаю, как отнять жизнь у нежеланного гостя. Надо броситься на него, толкнуть к стене, а там висит кинжал, который когда-то принадлежал некроманту-изгою. Быть может, костяной клинок уже не так остер, как в былые дни, но если приложить достаточно сил, он пройдет меж ребер. У незнакомца, правда, есть меч, и наверняка это не единственное его оружие. Но на моей стороне внезапность и защитное заклятье, которое замедлит движение его руки, не даст сходу выхватить клинок, — и я успею ударить.

Кровь шумит в ушах. «Я могу убить его, но разве это дозволено?» Его смерть может изменить потоки судьбы.

Едва эта мысль приходит мне в голову, как у меня отнимают всякое право решать.

Я не знала, что человек может так быстро двигаться. Не успеваю и глазом моргнуть, а он уже перемахнул через стол с ловкостью дикого леопарда и летит на меня. Мы падаем на пол, он наваливается на меня всем своим весом. Для такого тощего человека он на удивление тяжелый. Сплошные кости и мышцы.

Пытаюсь удержать его руки, чтобы не смог дотянуться до меча или спрятанного кинжала. Да, ему меня не убить, но с ранами я не смогу защищаться. Не хочу оказаться связанной и с кляпом во рту.

Мы боремся. Я отлично понимаю, что выдохнусь первой. Он очень силен. Недооценила его, когда понадеялась на защитное заклятие.

Он хватает меня за корсет и принимается трясти. С каждым рывком ремни впиаются в ребра и позвоночник. Грудь сдавливает, нечем

дышать, силы начинают уходить. Я отчаянно пытаюсь оттолкнуть его, вырваться, но все тщетно.

Он пристально смотрит на ключ. Так пристально, что взгляд буквально прожигает мне кожу.

Только тогда я вспоминаю кое-что важное.

«Пусть забирает».

Ослабляю хватку, и он вырывает свои запястья. Должно быть, решил, что я допустила промах или ослабла. Затем хватает ключ и рывком сдирает с моей шеи.

Я собираю остатки сил и произношу заклинание, которое отбрасывает меня прочь. Пусть недалеко, всего на несколько шагов, но зато окутывает защитной аурой. Долго она не продержится, и я молюсь, чтобы он об этом не знал.

Убийца ошарашенно поднимается на ноги. Смотрит на ключ, будто сам не верит своей удаче, потом переводит взгляд на меня. Я сжимаюсь в комок, будто от страха.

Пусть поверит, что я совершенно не опасна.

Убийца облизывает губы и прячет ключ где-то под плащом. Уверена, он с радостью забрал бы с собой не только его, но и всю меня — для надежности. Но я за щитом, который ему не пробить. И, по правде говоря, не так уж я ему нужна: сама умру, как только спадет заклятие. Ну или, на крайний случай, он просто выследит меня снова и доведет дело до конца. Он решает положиться на удачу. Так проще, а ему хочется поскорей покончить с этой дрянной работенкой и взяться за следующую.

Гость растворяется в облачке тумана.

А я с облегчением выдыхаю.

Он и понятия не имеет, что на ключ наложено заклятие-ловушка, которое уничтожит любого, кто попытается открыть хранилище. Я сама об этом только что вспомнила. Да, решение спорное. Да, я приговорила себя к вечной жизни. Нет, разумеется, я не желаю жить вечно — по правде говоря, я этого боюсь: доводилось общаться с одним чародеем, который проделал то же самое и пожалел. Годы иссушили его и превратили из человека в дряблую черепаху.

Он, как и я, был один на целом свете. Все его друзья, родственники, знакомые давно умерли.

Однако у чародея не осталось ни одной причины жить, а у меня их много. Это истории, которые я не успела записать. В конце концов, я хедаджи.

Поднимаюсь с пола, проверяю ноющие суставы, ослабляю ремни корсета. Хочется погнаться за Гиараном, но смысла в этом нет. Как только он захочет вскрыть хранилище, то погибнет на месте, а я приду и заберу ключ. Я в безопасности... хотя поверить в это сложно, особенно если только что боролась с убийцей не на жизнь, а на смерть. Приходится долго успокаивать себя, но в конце концов дыхание замедляется и мысли снова текут плавно и ровно. Я тщательно обдумываю то, что произошло.

Кто-то из моего прошлого желает мне смерти. Сейчас у них ничего не вышло. Значит ли это, что придется снова ждать в гости наемника? Я подхожу к одной из полок и беру обрывок ткани, который сотни лет назад предусмотрительно оставил мне Бадаал. Я всегда могла отыскать убийцу своей семьи, просто не желала этого делать. Таков был мой выбор, но если бы ситуация изменилась... что ж, я бы увидела все. Хедаджи — идеальные лазутчики и согладатаи.

Ситуация изменилась. Я в опасности, а значит, все выясню.

Воздух начинает переливаться и мерцать. Сюда вот-вот явится новый гость.

Я в спешке ставлю на место раскиданную мебель, успокаиваю тени и туманы в комнате. Тени с туманами успокоить проще, чем успокоиться самой.

Дымка скручивается, потом расходится, и в центре кабинета возникает новый человек. Я заставляю себя улыбнуться гостю.

— Добро пожаловать, незнакомец! Хочешь узнать, что приготовила тебе судьба?

АЛМА КАТСУ начала писать романы в 2011 году. Большая часть ее книг — это исторические романы с элементами фантастики или ужасов. Ее работы хвалили критики *Publishers Weekly*, *Booklist* и *Library Journal*, их отмечали в *New York Times* и *Washington Post*. Ее произведения выигрывали литературные награды в США и за рубежом и не раз попадали в списки лучших книг от *National Public Radio*, *Apple Books*, *Goodreads* и *Amazon*. Одно из них под названием *The Hunger* — переосмысление роковой экспедиции Доннера, написанное в 2018 году, — назвали новой классикой в жанре ужасов, а *National Public Radio* внесло его в свой список из ста лучших страшных историй. Последнюю книгу Алмы Катсу *The Fervor* номинировали на премии Брэма Стокера и «Локус» за лучшую историю в жанре ужасов, а также на премию *International Thriller Writers* за лучший роман в твердом переплете. Кроме того, Алма Катсу пишет шпионские триллеры, в которых ее любовь к художественному творчеству объединилась с тридцатилетним опытом работы в разведывательных службах. Первый же ее шпионский роман *Red Widow*, написанный в 2021 году, заслужил титул «Выбор редакции *New York Times*» и был выдвинут на премию *International Thriller Writers*. Вторая книга в той же серии *Red London* увидела свет в марте 2023 года, заслужила массу восторженных отзывов и получит экранизацию в виде сериала.

У ТЕЖАЛЬ ПРИПАСЕНО
ЕЩЕ МНОГО ИСТОРИЙ.
ЖДИТЕ НОВЫХ
РАССКАЗОВ ОТ
ХЕДАДЖИ.